

Бэлла Куркова
ПОСЛЕДНЕЕ
ИНТЕРВЬЮ

люди и книги
Санкт-Петербург

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Работа – это самая главная часть моей жизни. Мне ничто в жизни так не интересно, как быть журналистом. Я мечтала стать хорошим журналистом. Только я сначала не понимала, что сам по себе ты им не станешь просто так. Надо стать человеком уважаемым. И тогда появятся вокруг тебя очень интересные люди. И в профессии ты должен опираться на главное – твои герои должны быть порядочными людьми. Я иногда делала довольно суровые материалы про людей, которые исповедовали другую идеологию и звали нас назад, но я никогда не оскорбляла их человеческого достоинства. Я считаю, что порядочное отношение к человеку, о котором ты рассказываешь, – это основа нашей профессии. К сожалению, телевизор говорит об обратном. Я каждый раз с горечью смотрю на это. И поэтому я предпочитаю смотреть новостные программы и политические. Почему? Потому что там, в крайнем случае, услышишь, что плохой Трамп, или что-нибудь про ковид. И меня это не будет задевать. Но когда, особенно молодые журналисты, начинают судить кого-то, мне становится неприятно. Не нам судить, судить будут потом.

Длинной была моя жизнь. Шестьдесят лет практически прошло с начала моей работы. Я начала работать на Чукотке с первого сентября 1959 года. Потом я вернулась в Ленинград. И вот в Ленинграде мне очень повезло. Мне и на Чукотке очень повезло, потому что там меня окружали совершенно потрясающие романтики, мечтатели, трудяги. Большое золото и мифы, связанные с Гипербореей.

Я ничего не забывала из моих встреч с Чукоткой, потому что Чукотка – это мое начало, и я сама запланировала это начало...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Я НА ЧУКОТКУ ХОЧУ, ПОНИМАЕТЕ?»

Из Хабаровска в Магадан вылететь было невозможно. Толпы людей. Такого количества народа, сидящего на бревнах, на досках, я не видела. Кто-то с кем-то ругался, кто-то плакал. У меня был билет куплен заранее. И я с этим билетом прорвалась внутрь здания. Смотрю, какой-то летчик вроде идет, в летном таком одет. Я уцепилась за его локоть.

– Вот, у меня билет! – показываю одной рукой. – Пожалуйста, скажите мне: что тут творится? Почему я по своему билету не могу улететь?

– Потому что нет самолетов. Нет самолетов на Магадан!

Я иду за ним. Он пытался оторвать мои руки. Но не тут-то было, я вцепилась накрепко в его локоть. Он идет в служебное помещение. Я так и вплыла с ним в это служебное помещение. Говорю:

– Ну, как-нибудь можно улететь? Ведь мне же выходить на работу. Меня не примут тогда, что я буду делать?

Он оглядел меня, и, видно, ему меня жалко стало. У меня косички еще такие были, хвостиками завязанные. Девчоночьи. Не походила я, конечно, на журналиста, да и вообще на какого-то специалиста серьезного. И ему, видно, стало меня жаль. Мы вошли в какую-то служебную комнату. И он вдруг говорит какому-то человеку, тоже в летной форме:

– Разрешите мне взять ее с собой. У нее билет есть. Ну, как ей тут, в этой толпе? Что ей тут делать? Я в кабину ее посажу.

Ему дали добро. И я уже не отходила от этого летчика ни на шаг. Прилетела я в Магадан поздно, нашла таксиста, говорю:

– Мне, пожалуйста, гостиницу, которая ближе к обкому партии. У меня направление, бумага, что я направляюсь в обком партии для работы на Магаданском радио корреспондентом.

Приезжаю в гостиницу, там полно народу, сидит тетка и говорит:

– Мест нет.

– Как это нет? Вот у меня такая важная бумага!

Тетка повторяет:

– Ничего нет.

Я тогда поставила свой чемодан возле нее и сказала:

– Если пропадет, отвечать будете вы! Вот тут свидетелей много!

Я у кого-то спросила:

– Где обком?

И помчалась туда. Открываю дверь, вихрем влетаю. Поздно уже, после часу ночи дело было. Вижу впереди белую лестницу. Несусь, как угорелая, к этой лестнице. Уже несколько ступенек одолела. Вдруг меня догоняет милиционер, который на входе внутри стоял. Хватает за локоть:

– Вы куда? Там никого нет, – и стаскивает с лестницы.
Я ему достаю бумагу:

– Как это никого нет? У меня мама работает библиотекарем в парткабинете при райкоме партии, там всегда есть дежурные! А в вашем заштатном обкоме что? Нет даже дежурного? Есть наверняка. Что я, на лестнице тут буду ночевать? Или возле вашего поста? Куда мне деваться? Я же в обком направлена.

И вдруг с лестницы какой-то голос мужской слышится:

– Пропустите.

Я вырвалась и скорее на лесенку. Стоит мужчина. Мы с ним поздоровались. Он задает вопрос:

– Что у вас?

Я ему протягиваю бумагу. Он читает:

– «Куркова Изабэлла Алексеевна направляется для работы на радио в обком партии». Ну, идемте. Поздно уже, но идемте. Небось голодная?

Я смотрю: два часа ночи по магаданскому времени. Есть хотелось, но спать хотелось больше всего. Мы поднимаемся в какой-то кабинет. Приносят чай и какие-то бутерброды. А он возле телефона ходит. Тогда были такие большие белые телефоны, с длинными проводами. Он ходит, с кем-то разговаривает. А я даже не обращаю на этот его разговор внимания. Я еще на лестнице ему сказала:

– В вашем Магадане я все равно работать не буду!
Я уеду на Чукотку.

– На какую Чукотку, когда написано: Магаданское радио?

– Я на Чукотку хочу, понимаете? Не хочу я в вашем городке работать. Жуткий город. Некрасивый. В нем жить просто неинтересно.

– Ну вы даете!

Я ему успела рассказать, как добиралась до Магадана. Я допиваю свой чай. И он говорит:

– Все, едем. Я сейчас вас довезу до гостиницы.

– Меня поселят?

– Поселят.

– Хорошо, если меня поселят. А дальше что?

– Дальше в десять утра вы придете на радио, оно находится рядом с обкомом партии. Придете к руководству. Дальше все узнаете.

– Но я не буду на радио работать.

– Вот дальше все и узнаете.

Меня поселили в гостиницу. Утром я встала чуть свет, привела себя в порядок. Я стилига была тогда, волосы у меня были зеленым цветом покрашены. Мне показали, где радио, и я прибежала туда. А там уже переполох. Меня схватили – и к начальству в кабинет. Я с порога говорю начальнику:

– Я у вас работать все равно не буду.

– Что вы себе позволяете? Врываетесь ночью к первому секретарю обкома Афанасьеву. Ночью! И устраиваете там шум! Он сегодня с утра из-за вас чуть не уволил директора Магаданского авиапредприятия.

– Правильно сделал. Таких гнать надо. Как люди могут столько терпеть?

– Золото открыли. Вы понимаете, золото открыли! А где самолеты взять, чтобы всех перевезти, кто едет сейчас на прииски работать?

– Все равно надо о людях думать.

Я тогда не понимала, что такое первый секретарь обкома, да еще Магаданского. Это был очень могущественный человек. Павел Яковлевич Афанасьев* его звали.

---

* Павел Яковлевич Афанасьев (1905–1989), первый секретарь Магаданского обкома КПСС (1958–1968), автор книги «Здесь начинается Россия. Записки секретаря обкома» (1967).

Радийщики мне говорят:

– Приступайте к работе.

– Да не буду я приступать к работе! Я пошла в обком.

Иван Дмитриевич Горющенко отвечал за печать. Поднимаюсь к нему, излагаю:

– Не буду работать на радио. Отправляйте на Чукотку.

Он говорит:

– Я ничего не решаю.

Уже становится холодно. А я еще из дома, из Перми, от мамы, все вещи теплые и пальто теплое отправила посылками в Певек, до востребования.

Конец 1950-х – всеобщее геологическое время. Было модно быть геологом. Песни были про геологов написаны. И ребят замечательных, умных, интересных привалила на Чукотку просто тьма. И все они были увлечены идеями находок. И я вот загорелась, что тоже чего-нибудь найду. И все у меня будет совершенно замечательно. Мне рассказали, что в Певеке живет пять тысяч человек, из них три с половиной – с высшим образованием. Это в основном молодежь. И что только туда надо ехать. Вот я и решила, что сумею как-нибудь договориться и оказаться в Певеке, на Чукотке.

Весь сентябрь я хожу каждый день в обком. У меня кончаются деньги, мне есть не на что. И тут я на лестнице сталкиваюсь с Афанасьевым. Он меня узнал. Говорит:

– Ну, как? Не улетела еще?

– Куда улетела? У вас тут улетишь!

Он снова привел меня к себе в кабинет. Вызвал кого-то. Быстро написали бумажку, что я направляюсь в окружную газету «Советская Чукотка» в распоряжение редактора, который решит, что со мной делать.

Афанасьев показался мне простым человеком. Он меня потом часто вызывал, чтобы получить информацию,

что происходит на приисках Чаун-Чукотского района. Какое-то доверие между нами возникло.

И вот у меня в руках направление в газету «Советская Чукотка». Обком купил мне билет на последний вечерний самолет. А Афанасьев вручил какие-то книжечки про добычу золота.

ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Золото всегда притягивает людей. Особенно большое золото. Сначала открыли промышленное золото в 1929–1930 годах в районе будущего Магадана. И город Магадан возник благодаря золоту. Юрий Билибин возглавил большую экспедицию и подтвердил наличие промышленного золота на Колыме. Причем большие золотые запасы. В 1939 году Магадан получил статус города. Железные дороги, дома, электростанции, чего только не строили!

Тогда же появилась специальная организация «Дальстрой», которую возглавили самые главные чекисты нашей страны. Их переписка сразу шла под грифом «секретно». И говорили, что был даже протокол заседания Политбюро, где речь шла о том, что работать на этих приисках будут только заключенные. Этот протокол Сталин изъял и хранил в личном сейфе. Почему? Потому что там было расписано все про то, как работают заключенные. И какие заключенные.

Когда Дальстрой начал работать, это была военизированная организация. И там начальник лагеря имел право принимать меры для устранения тех, кто не так работает. То есть по его приказу могли расстрелять, но могли и помиловать, и даже выпустить из заключения. Там жили по военным приказам. И все вольнонаемные люди становились тоже военными. Обычно они ходили

в гражданской одежде, но по большим праздникам были в своих мундирах.

В 1941 году нужно было заключить договор по ленд-лизу на поставки самолетов и другого вооружения из Соединенных Штатов, чтобы помочь нам, пока второй фронт все обещали открыть. Американцы соглашались поставить оружие, но боялись, что СССР не расплатится. И тогда Сталин (не лично, а через кого-то) предложил президенту Соединенных Штатов Америки послать своего человека на Колыму – посмотреть несколько приисков, чтобы понять, каким огромным богатством золота мы располагаем.

Уильям Гарриман, представитель президента США, был послан специально через Аляску. (Потом Гарриман станет послом Америки в нашей стране. И, видимо, неплохим послом. Во всяком случае, по фотографиям судя, он встречался со Сталиным чуть не каждый день.) Летчик, трижды Герой Советского Союза, вел самолет с Гарриманом. Самолетик был маленький и не мог долететь до Магадана без дозаправки. В совершенно безлюдном месте построили маленькую полосу, где борт мог приземлиться. И деревянный туалет соорудили специально для Гарримана. Дозаправка состоялась. Дальше Магадан. И оттуда сразу же полетели на прииски.

Было три прииска, на которых решили показать месторождения. Отобрали наиболее здоровых эков, которые более-менее прилично выглядели. Нашли охранников, что-то понимавших в добыче золота. Всех вымыли, причесали, постригли. Одели в новые рабочие костюмы. Поставили в бараках новые кровати с чистыми простынями и одеялами. Все как полагается.

Гарриман приехал. Увидел, сколько золота. А там его несметное количество было, потому что добывали на

многих приисках, а свезли на эти три. Американский гость связался со своим президентом. И в этот же вечер в Москве и Вашингтоне был подписан договор о ленд-лизе.

Все это я узнала потом. Ничего подобного в книжечках, которые мне дали в Магаданском обкоме, не говорилось. Но в них я могла прочитать, что в 1950-м году открыли промышленное золото в Певеке. Рассыпное и рудное. На Чукотке были найдены целые огромные узлы, на которых строились прииски, рудники. Следом за первооткрывателями летели самолеты с оборудованием, с теми, кто будет добывать это золото, и теми, кто будет его охранять. Летело новое население Певека, Чаун-Чукотского района.

«Чукотка – кладовая безграничная. Там чего только нет: вольфрам, золото, ртуть, уран», – прочитала я в книжечках и благополучно оставила их в самолете, когда прилетела в Анадырь.

ФАЛЬШИВЫЕ НОТЫ

Мне надо из аэропорта попасть в Анадырь. Спрашиваю:

- Где взять такси?
- Какое такси?
- Ну, до центра города доехать.
- Ты по лиману поедешь на такси? Хотели бы мы на тебя посмотреть.

Все вокруг начали дружно смеяться.

– А что такое лиман? – Я слова-то этого не знала даже.

– Сейчас шуга. Сейчас местные нас разберут. Мы у них переночуем. А утром поплывем. Вот завтра через лиман переплывешь и окажешься в Анадыре.

И действительно, подходит ко мне какая-то женщина, говорит:

– Ну, пожалуйста ко мне. Сейчас попьете чаю, я вам постелю.

Постелила все чистенькое. Я спрашиваю:

– А деньги? – и полезла в сумочку.

Она меня остановила:

– Деточка, да ты что, какие деньги? Утром позавтракаем, я вас провожу на катер.

Утром меня разбудили. Волосы у меня были длинные, и я еще с вечера накрутила их на самодельные бигуди – бумажки с тряпочками, ничего другого у меня не было. Прихорошилась. Я же ехала на первую свою работу. Достала наряд, который мне из Польши привезла Света Каргинова, моя подруга по университету. Она вышла замуж за поляка и мне подарила такой салатовый свитерок и широкую вельветовую юбку – зеленую, а на ней два желтых кармана.

Вот я в зеленой юбке с желтыми карманами. Волосы покрашены зеленой и завиты. Туфли на шпильках. Ресницы намазаны фиолетовой тушью, которую делали из мыла и пузырька чернил. Я оглядела себя в зеркало и себе понравилась. Я ехала во взрослую жизнь. На свою первую работу. Случилось это 1 октября 1959 года. И важно мне было не опоздать на работу. Иду садиться на катер. Много народу. Надо мной все смеются.

– Ты чего так вырядилась?

– Я же на первую работу еду.

Какая-то женщина говорит:

– Да отстаньте вы от нее! Ничего, как-нибудь доберется. Только тебе там по грязи идти трудно придется.

Поплыли. Я вышла на палубу катера, смотрю, горы, сопки кругом. Красиво. И тут я рассмотрела эту шугу –

месиво изо льда, снега и воды. И все это колышется. Вдруг поднялся ветер, весь лиман взбудоражился. Нас стало относить в другую сторону. Я испугалась, прижалась к стойкам.

Мы причалили на противоположном конце Анадыря. Пристань махонькая. Грязь по колено. А нужно пройти огромное расстояние до «Советской Чукотки». А я в туфлях на шпильках. Причем нет никакой палки, и ее нигде не найти. Но я не растерялась. Ногу поднимаю, туфельку снимаю, переставляю вперед. И вот так, переставляя, ползла довольно долго. Пальто было все в грязи, ноги все в грязи. Чертов чемодан светлый – тоже в грязи, его никуда не деть, он тяжелый. И вдруг какая-то женщина выглядывает. Я говорю:

– А можно я у вас оставлю чемодан?

Она схватила мой чемодан, говорит:

– Давай, деточка, – и унесла.

Дальше я уже с туфельками только справлялась.

Добралась до деревянного здания. Там большая вывеска «Советская Чукотка». Открываю дверь. Женщина какая-то с порога кричит:

– Вы куда?

– Я здесь работаю.

– Вы кто такая?

– Я буду здесь работать.

Она закричала:

– Посмотрите, фифа явилась какая-то!

Сбежался народ. Я говорю:

– Достаньте у меня, пожалуйста, из кармана мой диплом и бумагу – направление в газету «Советская Чукотка».

Они достали. В это время открылась какая-то дверь. И они все притихли. Я поняла, что главный кто-то идет. И говорит им:

– А ну-ка, дайте мне бумагу.

Прочитал и приказывает:

– Всем разойтись по местам, а вы, – он обратился к двоим, – возьмите Изабэлу Куркову и приведите ее в порядок.

Я по дороге какое-то зеркало увидела. Близко подошла, посмотрела – ни одной кудряшки на голове. Вся тушь с глаз по лицу размазана. Нечто жуткое совершенно. Пальто в пятнах.

Меня завели в какую-то комнату. Сняли с меня юбку, дали другую. Принесли резиновые сапоги. Пальто отмыли. Унесли сушить. Я вся мокрая стою. Померк мой наряд желто-зеленый.

Мне говорят:

– Иди теперь к главному редактору, Борису Моисеевичу Рубину.

Я стучусь в дверь:

– Можно я войду?

– Заходи, становись сразу к печке, хоть высохнешь.

У него в кабинете топилась печка, я прислонилась к ней, стало тепло, хорошо. Рубин говорит:

– Ну, рассказывай.

– А что рассказывать?

– Где твои вещи?

– По дороге где-то оставила. Потому что мне их было не донести.

– Так, ну ладно, давай, выпей кофе, сейчас принесут тебе. Я из дома взял бутерброды. Потом я тебя провожу. У нас гостевой домик есть.

Мы пошли с ним. И он меня спрашивает:

– А где чемодан-то ты оставила?

– Не помню.

– Как «не помню»? В той стороне или в этой?

– Не знаю.
– Куда ты причалила?
– Вот мы плыли, а потом нас отнесло туда, где маленький пирс. Да бог с ним, с этим чемоданом, подумаешь, там тряпки какие-то пропадут. Не нужен он, я обойдусь без него. Что-нибудь придумаю.

Я шла уже в резиновых сапогах, все хорошо было. Я не знала тогда, что на Чукотке одежду не купить. И вдруг та самая женщина сама увидела нас и кричит:

– Девочка! Вот твой чемодан.

Рубин взял мой чемодан, уже вымытый заботливой рукой, и мы с ним пошли в гору. Сопки кругом. Дома на горушках.

– А почему меня фифой ваши назвали?

– Ну, пошутили.

– Наверное, из-за имени. Что за имя – Изабэлла. Я его терпеть не могу. Когда мы проходили в школе про Изабэllu и Фердинанда, мне придумали даже такое имя – Бэлла-Изабэлла Фердинандовна Куркова. И до самого конца школы так дразнили. Что за имя! Надо от него отказываться. Куркова не может быть Изабэллоу. Помогите мне, пожалуйста. Лучше буду я просто Бэллоу.

– Ладно, завтра утром поговорим, попробую помочь.

И помог. Он куда-то сходил с моим паспортом, и мне выдали новый с именем Бэлла. Но это я вперед забежала...

А тогда, в первый день мой в Анадыре, мы с Рубиным подходим к симпатичному домику.

– Вот гостевой дом, располагайся, приводи себя в порядок. А завтра утром, часов в десять, появляйся в газете. Все будем решать.

Я вошла, села. На столе для меня лежали свертки с едой. Чайник стоял, плитка. Все было. И тут я наконец поняла, как я оскандалилась. Я не знала, как завтра

скажу такому хорошему человеку, как Рубин, что я его обманула, что не хочу работать в Анадыре. Что я хочу в Певек. Что все свои теплые вещи уже туда отправила. Что он подумает? Что я аферистка какая-то. И что теперь с этим делать? А если не захотят меня послать в Певек?

Было грустно. Потом что-то дико завывало. И какой-то ветер стал крутить. Боже мой, что происходит? Темень, крики. Только на следующий день Рубин мне объяснил, что рядом находится колхоз Ленина, и это там ездовые собаки выли. Они в это время воют обычно.

Кое-как я до утра дотянула. Умылась, привела себя в порядок. Хорошо, в чемодане нашлось, что надеть на себя попроще. Волосы косыночкой закрыла. И пошла в «Советскую Чукотку». Прихожу – пусто. Но одна дверь приоткрыта. Я поняла, что это кабинет Рубина. Я постучалась, он говорит:

– Входите.

Я вошла, поздоровалась, он в ответ:

– Ну, давай будем завтракать. Кофе или чай?

– Кофе.

– Рассказывай, кто родители, кто да что.

Я ему говорю все подряд. Слово за слово, и не заметила, как стала рассказывать про аферу, связанную с Певеком. Призналась, что обманула всех. И теперь не знаю, что делать, потому что я остаюсь без теплой одежды. Он говорит:

– Попила кофе, да? Давай договоримся с тобой так. Сейчас я покажу тебе твое рабочее место. Потом мы отправим тебя за каким-нибудь материалом и посмотрим, умешь ли ты писать.

– Я умею. Я же на практиках была...

Меня отправили в музыкальную школу. Там были расстроенные пианино и рояли, на них детям трудно было

учиться играть. Ребятишки анадырские оказались такими симпатичными. Они мне показали весь Анадырь. У всех у них дома побывали, с родителями поговорили. И 10 октября 1959 года в «Советской Чукотке» выходит большой проблемный материал под названием «Фальшивые ноты». Я пишу о том, как важна именно на Чукотке культура, музыка, которая начинается с первых аккордов.

После этого Рубин заходит ко мне и говорит:

– Молодец, написала не зарисовку, а проблемный материал. Умеешь писать. Поедешь в Певек. Я тебя отправляю. Но учти, ты будешь ездить в командировки по приискам. Ты будешь писать про ремонт техники горного оборудования, про промывку золота и олова. И про партийную жизнь – без этого газета не может выходить. А очерки и зарисовки – это в последнюю очередь. Ты будешь получать задания. Если с этим не справишься, соберешь свои вещички, приедешь сюда и будешь работать здесь.

– Я все сделаю, как вы говорите, я буду писать про все, и про партийную жизнь!

Вышла я от него и думаю: «Господи, а что про эту партийную жизнь писать-то?» Это не придумать даже. Комсомолкой я была. Но там с меня ничего не требовали. Пришла к себе, полистала несколько газет, впала в уныние.

Надо сказать, что Рубин был совершенно невероятный человек. Он был главным редактором окружной газеты, писал стихи. Был очень хорошим поэтом. Он в сорок первом году ушел добровольцем на фронт со второго курса Литературного института, хотя у него бронь была. У него отличные ребята работали в газете. И он им очень помогал, печатал их повести в газете. При нем девять человек сотрудников стали членами Союза писателей.

Рубин почему-то поверил мне. Я ему рассказала про Гиперборею. Он спросил:

– Почему ты считаешь, что Гиперборея на Чукотке?

– Она раскололась, континент раскололся на много частей. Большая часть на западе находится. В Белом море, еще где-то. Но хвост и голова – в районе Врангеля, в районе Певека. Это было потрясающее государство, судя по всему. Какое-то невероятное. Судя по легендам, люди, которые жили в Гиперборее, были как бы арийской расы. То есть белые. И вообще, человечество возникло гораздо раньше, чем предполагают ученые. И там сначала было бессмертие. Но они такие заманчивые, эти легенды!..

Рубин слушал-слушал и говорит:

– Чтобы не было ни одной зарисовки, ни одного очерка, пока не встанешь на ноги!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА